

Аспирация

Все болезни – от нервов, говорят в народе. А я бы ещё добавила, что и от нашей неосторожности.

Так было и со мною. Уже много лет я работала в школе. Сначала учителем, потом – завучем. Знала всех учеников, многих родителей. И они знали и уважали меня. И вот тут некоторая самоуверенность

притупила мою бдительность. Я шла по короткому коридору к открытой двери в рекреацию – в наш зимний сад, находящийся за углом. Здесь же на стенах – музей школы – её фотолетопись. Здесь – самый почётный пост дежурных по школе. Рекреация небольшая, проходная, но уютная – в зимнем саду стоят деревянные резные скамейки, красиво!

Слышу – мощный топот, к дверям явно бежит ученик. "А где же дежурные?" – подумала я, и ринулась навстречу – наводить порядки, сейчас ка-а-ак дам духу! Мы столкнулись в дверном проёме – я и здоровенный одиннадцатиклассник! "О-ой!" – вскрикнула я от резкой боли и шагнула к скамейке. В глазах потемнело, затошнило, и выступил холодный пот. Я держалась за грудь, в которой, казалось, горел огонь! А "спортсмен" виновато стоял рядом, и монотонно бубнил слова извинений. Я подняла глаза на него, и плохо соображая, отправила на урок. Через пять минут появились дежурные. Понятно, они "ходили в туалет"... А были бы на месте, никто бы не бежал... Никто бы не врезался в меня под прямым углом к коридору... "Да, а ты чего не затормозила? – думала я, – а сама же ринулась навстречу мощным кулакам, прижатым к телу бегущего балбеса, ожидала, что тебе уступят дорогу?"

Через малое время вереница дел, ежедневно висящих на плечах завуча большой школы, закружила в своём водовороте. Бесконечные бумаги "сверху" и разбирательства с учащимися и их родителями, собственные уроки и посещение уроков коллег, тетрадки и журналы, изменения в расписании и замены уроков, и... Короче, к концу дня я уже даже не помнила о том, что произошло утром.

Прошло полтора месяца. Засыпая, я ночью почувствовала дискомфорт в груди. Что-то мешало, внутри был зуд. Стала проверять, и под пальцами нащупала огромную, величиной с большой грецкий орех, круглую опухоль. Она как-то странно перемещалась под пальцами... Всё! Сну конец! Мы с Валеркой почти не сомкнули глаз, и рано утром я уже стояла под

дверью... гинеколога. Она осмотрела меня, прочла "мораль" о том, что я неграмотная дура, раз допустила такой размер опухоли и направила в областной онкологический диспансер.

Скажу сразу, что только там, после рентгеновского обследования, и вопросов врача, я вспомнила о том, давно забытом столкновении в дверях, о дикой боли в груди в момент удара.

– У Вас большая опухоль! – сказал доктор, – не было ли у Вас травмы груди?

– Да! Точно! Полтора месяца назад, приблизительно... – залепетала я, рыдая.

– Если так, то, возможно, это – образовавшаяся киста после разрыва сосуда. Сейчас мы уточним диагноз при помощи УЗИ, – продолжал доктор.

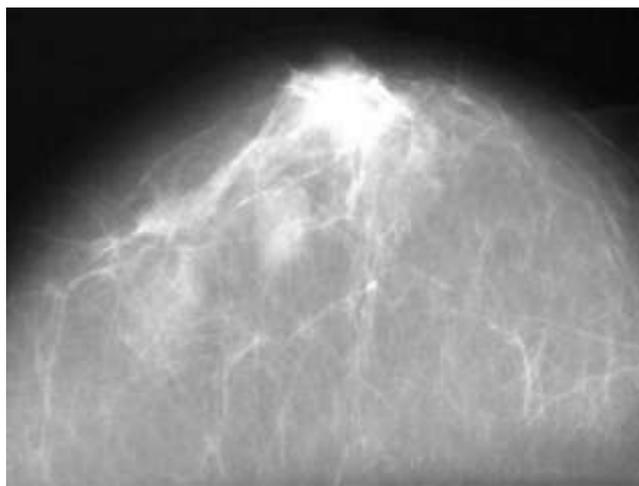
Мне объяснили, что под контролем аппарата УЗИ возьмут пункцию... Страх и ужас сковали всё сознание, только слёзы лились свободным ручьём... "Рак? Господи, где ты взялся? Неужели от того удара всё образовалось?" – думала я, ложась для обследования на кушетку.

– Будет больно, потерпите! – сказал второй доктор, и резким движением вонзил без обезболивания мне в большую грудь огромный шприц с иглой.

– А-а! – не стерпела я...

– Фу-ух! – облегчённо выдохнули оба доктора и две медсестры, находящиеся рядом.

– Смотрите на экран! – радостной скороговоркой строчил доктор, – видите иглу? Я втягиваю содержимое, опухоль уменьшается в размерах! Значит, это жидкость! Вам повезло, раз жидкость – значит это киста! Мы сейчас отсосём всю её, и вы уйдёте здоровой!

– Ой, больно! – плакала я, икая от перенесённого стресса.

– Да! Жидкость уже густая! Вы чуть не прозевали момент возможного спасения от опухоли. Киста – она же – доброкачественная опухоль. Но, кто знает, как бы повела себя киста в будущем?... – задумчиво проговаривал вслух доктор свои мысли. А на огромном метровом экране японской аппаратуры, закреплённом на потолке, длинная игла монотонно

перемещалась внутри кисты, отсасывая её.

Я наблюдала за её движением, видела, как чёрный цвет контуров кисты меняется на естественный... Она постепенно уменьшается – до вишенки, до горошинки, до точки... И вот – можно встать.

– Да! Повезло Вам! И нам – тоже! Мы совсем не радуемся, когда приходится ставить плохой диагноз! – сказали мне доктора. И отпустили домой!!! Счастью не было предела!

Но рано душа радовалась. Пока мы с мужем доехали электричкой домой, я опять почувствовала там же тяжесть! Глянула дома в зеркало – ахнула! Грудь была сине-чёрного цвета! Пока дождалась результатов взятых анализов, чуть не поседела! Но – результаты были нормальные.

А грудь начала болеть. И я отправилась к местному онкологу. Он посмотрел на сине-чёрную окраску, порасспрашивал полминуты, и вынес вердикт:

– Во вторник будем оперировать! Приходите ложиться в понедельник, а пока принимайте индометацин, немного снимет воспаление.

Ничего себе! Оперировать! Я слышала о нашем онкологе, что он – мясник! Грубо, но иначе не сказать. Обследовал меня? Хотя бы карточку посмотрел с подробными записями областных онкологов! Ничего этого не было – глазами посмотрел, слушал или нет мой рассказ, и – оперировать!

Был четверг, и в пятницу я опять, уже без Валерки, отправилась в онкодиспансер к областным специалистам. И правильно сделала. Потому, что там сразу успокоили. Сказали, что так бывает. Провели повторную аспирацию – отсосали вновь собравшуюся в полости жидкость. Промыли специальными растворами, и опять отпустили меня домой! Теперь уже велели приехать для ещё одной аспирации. Объяснили, что киста как бы возвращается назад, но постепенно размер её уменьшается, она спадается вовнутрь себя. И за несколько раз вся жидкость уйдёт... Так и было... А пойдёшь ли ты на операцию?... Сколько надо бдительности!..

Я ездила несколько раз, уже спокойно переносила болезненные проколы груди большим шприцом и отсос-промывку полости, которая уменьшалась до нуля... Но, конечно, денег было потрачено немерено – лекарства и поездки были дорогими. Когда в последний раз привезла директору своей родной школы больничный лист, то по совету тех же областных врачей попросила его оформить акт о производственной травме. Боже мой! Как он взбесился!

– Какая производственная травма? Что Вы придумали? Не было ничего в школе! – кричал он не своим голосом.

– Ну, что Вы? Травма произошла в школе, учителя подтвердят. Да и парень, ударивший меня, тоже подтвердит, я уже говорила с ним.

– А, так Вы уже договорились?! – продолжал затыкать мне рот, неся обидный бред мой директор.

...Всё закурилось по замкнутому кругу... Школа, профсоюз, отдел образования, врачи, отдел социального страхования, опять школа... Обида, слёзы бессилия, глухая стена... Только и прояснила для себя, что если бы я имела акт, то, всё оформив, получила бы на руки большую денежную компенсацию, равную чуть ли не трём годовым зарплатам! Вон оно что! Понятно теперь, почему везде в инстанциях передо мною вырастала стена непробиваемой обороны...

Нервы расшатывались, суда не хотелось, а работать вместе становилось невозможно. Всё это, плюс другие моменты и подвернувшаяся преподавательская работа в университете на кафедре педагогики, увели меня из любимой школы в новую длинную интересную жизнь...

А бумеранг, брошенный в меня, возвратился к бывшему шефу через пару месяцев... Он шёл с работы домой, и в безлюдном месте на него набросились, избили и отобрали немаленькую директорскую зарплату, полученную в тот день. Переломы рёбер заставили его долго ходить прямой статуей, не поворачивая туловища... Природная осторожность и далькоглядность его не уберегли...